

Проблемные дети.

Всякий раз, когда вы замечаете неполноценного ребенка, остановитесь и поразмышляйте о причинах его дефекта. В чем дело? Или нет каких-либо причин? Может есть убедительные факторы, сделавшие из полезных обществу детей неполноценных? Обнаружив основания этих причин, мы затем сможем их устранить. Но это работа может быть завершена только в том случае, если у нас с ребенком хорошие взаимоотношения, если мы можем завоевать его доверие настолько, что он распахнет свою душу, и нам откроется его внутренний мир. Только в этом случае возможно эффективное вмешательство.

Я полагаю, этого невозможно достичь, вступив в борьбу с ребенком. Детские неудачи обычно рождаются в горе. Мы должны отказаться от жестокой системы наказаний и представления, что ребенок, который лжет или крадет, должен быть наказан немедленно. Родители трудных детей говорят: "Мы пытались действовать мягко, это не работало. Затем прибегли к строгости, и это не помогло. Что можно предложить нам?"

Я не думаю, что мягкость — универсальное средство. Мы нуждаемся в победе над ребенком для разрешения нашей проблемы, а именно — в совершенном устранении ее. Ибо бросающиеся в глаза недостатки, служащие отправной точкой, однако, лишь поверхностные проявления. Ничего не достигнешь наказанием ребенка за ложь, наказанием лишь сделаешь его более осторожным. Он станет более скрытным, сдержанным и будет пытаться счастье где-то на стороне хитростью и другими бесполезными средствами.

Поговорим о внутреннем мире ребенка. Даже в первые дни младенчества мы наблюдаем чувство привязанности. Младенец начинает проявлять интерес к окружающим; мама, конечно, первый объект этого интереса. Это существенное событие, ибо оно означает выход ребенка из изоляции, формирование мира, в котором другие тоже имеют значение; он взаимодействует с миром и научается общению. Введение ребенка в мир — не единственная задача матери. Ее

равнозначная задача — стать другом ребенку, другом, на которого он может положиться, которому он может верить, кто помогает и поддерживает его. Через эту связь с матерью ребенок переживает рождающийся социальный интерес. Он не озабочен только своими собственными проблемами. Он вступает в отношения — новую структуру, которая первоначально включает мать и ребенка.

Уже здесь мы можем видеть семена будущего развития, рождение первых ошибок. Первый союз служит подготовкой для множества больших союзов — семьи и окружающих. Это начало существования социального человека. Человек не может существовать для себя одного. Он не отделен от других. Скорее с помощью матери он должен переходить от эгоцентризма к человеческому обществу и чувствовать себя его частью. Далее его жизненные правила будут развиваться и соответственно преобразовываться. Этот переход может отсутствовать, когда у ребенка нет матери, когда о нем заботятся люди, не выполняющие функции матери, подобно отверженным детям, которых не любят, обижают, которые не получают теплоты. Таким детям необходимо искать способ жизни в одиночестве из-за их убеждения, что окружающие — враги. Теперь мы можем предполагать, как будет изменяться характер таких детей. Всегда испытывающий нападки окружающих, всегда преследуемый, подвергающийся жестокому обращению, такой ребенок вырастает как будто в окружении врагов. Хотя я имею в виду исключительный случай, существует большая группа детей и взрослых, о которых можно сказать: "Развитие социального интереса было здесь безуспешным".

Это чрезвычайно важно, ибо такой ребенок будет всегда одиноким, он никогда не откроет свою душу другим, не будет с ними общаться, ему будет не хватать ситуаций, требующих хорошо развитого социального интереса.

Может это не существенно? Для человеческого существования чрезвычайно важно наличие этих вещей. Такой ребенок не только не будет поддерживать дружеских отношений, ему также не будет хватать таких достоинств, как верность, сотрудничество, способность к самопожертвованию, умение считаться с мнением других. Все, кто имеет дело с детьми, будут настроены против детей, выросших в несправедливой среде. Им известны такие дети, которые невнимательны к друзьям, родителям, учителям, которые никогда не уживаются с другими, постоянно вступают

в борьбу, совершают акты жестокости. Взглянув открыто, мы увидим проявление матери, либо того, кто по той или иной причине должен был выполнять ее природные обязанности. Либо этого не делал никто. Но мы не можем всю тяжесть вины возлагать на одну лишь мать. Возможно, из-за работы или из-за сложившихся обстоятельств, она не могла сделать больше; так ребенок оказался лишенным матери. Мать совершенно разрушила основы воспитания ребенка. Физическое наказание — лучший путь для того, чтобы внести ненависть в мир ребенка. Кто знает, в какой момент ребенок отказывается от связи с матерью? Мы встречали множество людей, не только детей, но и взрослых, чья жизнь была разбита по одной причине — потери связи с матерью и другими людьми. Мы не рассматриваем это как показатель того, что она не любила своего ребенка, а лишь того, что она совершила ошибку. Также мы не можем винить ее и за незнание. Такими мы находим одиноких детей: портящими удовольствие другим своим воинствующим настроением, не способными решать вместе с другими общие задачи. В лучшем случае, они могут управлять жизнью сами и для себя. Но они поражены холодностью, исходящей от них же. Не каждый понимает это, но все чувствуют. Таким образом, эти дети плохо подготовлены к встрече серьезных задач.

Развитие человеческой речи, например, предполагает межличностный контакт. Она вырастает из открытого общения и, более того, предоставляет дополнительное звено в связи индивид — окружение. Мы будем постоянно обнаруживать, что языковое развитие детей, не имеющих достаточного общения, не соответствует норме. Вот где мы находим огромное количество детей с замедленным развитием речи, детей испытывающих затруднения из-за заикания, в чем повинно, очевидно, не отсутствие любви матери, а недостаток контактов с другими людьми. Я видел много детей, отчаявшихся из-за своего заикания. Мы не сможем исключить эти симптомы из рассмотрения; пока вопрос открыт, мы должны создать условия для более тесных контактов с такими детьми. Но не с тем, чтобы полностью изменить жизнь ребенка — это будет безуспешно и для человека "с тяжелой рукой" и для того, кто останавливается поразмыслить и знает, как завладеть планами ребенка. Я видел девятилетнего ребенка, который был отнят у матери в раннем возрасте и воспитывался крестьянкой, которая не отзывалась о нем никак. Когда он достиг

школьного возраста, обнаружилось, что его речь практически не развивается. Отношение к окружающим было враждебным, он не был готов к речевым контактам с другими, никогда ни с кем не дружил, ни к кому не проявлял интереса. Единственное, что можно было сделать — удалить этого ребенка из окружения и поместить в общество, где он мог бы развивать контакты с людьми.

Но такое ущербное развитие грозит не только речи, но и развитию ума: если я думаю и верю в правильность чего-нибудь, я должен предполагать, что каждый разумный человек думает так же. Как же я могу узнать, правда ли это, не имея контактов с окружающими? Если мы видим друг в друге врагов, я не могу этого сделать. Таким образом, мы находим, что интеллектуальное развитие этих детей ниже среднего. Нет ничего бесполезнее для человека, живущего для себя, чем моральные нормы. Одиноким человек не нуждается в нравственности, т.к. это проявление социального интереса, универсальная функция, способ жизни для общающихся друг с другом людей. Всякий раз, когда мы замечаем безнравственность в ребенке, мы можем быть уверены, что прервано взаимодействие с окружающими. Пока оно не будет восстановлено, воспитание морально здорового ребенка невыносимо. Также это справедливо для всех эстетических чувств. Короче говоря, все чисто человеческие характеристики связаны с развитием социального интереса.

Обратим внимание на развитие (замечательное, но печальное) такого ребенка, который живет в окружении врагов. О будущем он думает - пессимистично, чувствует себя слабее и меньше других. Он никогда не знал, что значит быть любимым. В результате такой ребенок развивается на самом низком уровне — исключительно в собственных понятиях, у него развивается чувство неполноценности. Это подтверждается тем фактом, что он никогда не входит в социальный круг, а также случайными проявлениями беспокойства. Учителям будет нетрудно обнаружить, что такой ребенок имеет сильную склонность расти недорослем, а также, что он труслив. Тот факт, что он может лазить по деревьям, не опровергает его трусости, это не признак мужества. Мужество проявляет себя только в полезных действиях.

Когда вы хотите понаблюдать за ребенком, для начала нарисуйте простейшую диаграмму — вертикальную линию, затем скажите себе: полезные действия ребенка — слева, бесполезные — справа от линии. С правой стороны нет мужества, нет

достоинства, даже если это может казаться таковым. Невозможно предположить полезность преданности или рыцарства в груди заблудших детей, их отношения целиком лежать в сфере бесполезности.

Когда такие дети, к примеру, приходят в школу, которая сегодня открыта для всех детей и которая открывает возможности обнаружить и исправить такие дефекты, понаблюдаем как они ведут себя: враждебно, с беспокойством, с постоянным страхом столкнуться с несправедливостью, они пытаются покинуть школу в поисках места, которое может дать ощущение некоторой безопасности, пытаются отвязаться от других. Такой бедный школьный багаж, неудовлетворительная подготовка к школе, как показано здесь, требует сильной социальной заинтересованности и уверенности в себе у школьников.

Подобный ребенок не верит в собственные силы и будущее. Это, конечно же, явным образом ухудшает его поступки. Уже в первые дни в школе его начинают причислять к слабым ученикам. Очень скоро он начинает получать низкие отметки. В нем крепнет уверенность, что в школе будет то же, что и раньше. Это усиливает в нем убеждение, что единственный способ избежать трудностей — хитрость, коварство, и что лучше всего — уйти из школы. Он ведет себя соответственно.

Ранее я сказал, что часто, когда страдают детские способности и их развитие, в том нет вины детей. Они никогда не учились поддерживать порядок вещей, они никогда не учились сосредотачиваться. Теперь вдруг всего этого ожидают от них, и, если они не в состоянии сделать этого, их наказывают. Это подобно тому, как кто-то берет одну ноту из мелодии или такт, а затем с помощью этого обсуждает весь музыкальный кусок. Сам по себе такт может иметь смысл в общем контексте. Только изучив детскую мелодию, я могу понять, откуда возник недостаток. Такой тщательный анализ существует. Неверно думать, что образование ребенка или взрослого, или целого народа может быть завершено, если оно будет подобно тяжелой ноше. Все обусловлено глубокими причинами и имеет отношение к общему развитию ребенка.

Уверен, что в самых исключительных случаях жизни эти дети продолжают двигаться по гибельному курсу. В школе их воспринимают как инородные тела (то же переживание, которое ранее было их собственным). Мир как будто не дает им других

ощущений кроме враждебности, дурного настроения и негативного отношения к ним самим. Когда потом кто-либо, из лучших побуждений, делает выпад против такого ребенка — это то, чего ребенок ожидает в первую очередь. Еще раз он убеждается в своих взглядах на мир.

Я не буду прослеживать судьбу этих детей за исключением вопроса: где они потеряли веру в то, что они могут в конце концов достигнуть чего-то в школе; потому что это момент, когда они начинают вести беспорядочный образ жизни, ибо невозможно человеку постоянно ощущать чувство бесполезности, негодности, он должен найти какой-то выход. Так мы обнаруживаем детей, сильно меняющихся в отрицательную сторону, вплоть до того, что они начинают развратничать. Создается ощущение, что процесс всегда происходит обычным образом. Я никогда не видел сбившегося с пути школьника, который совсем отчаялся добиться успеха в школе. О чем это говорит? Что мы должны так перестроить в школе, чтобы ребенок не потерял веру в себя? Эти дети выходят в конце концов из школы со слабыми табелями успеваемости, приниженные, осужденные, наказанные, с растущим неверием в собственные силы. И после этого мы ожидаем, что они будут приносить пользу обществу! Эти дети потеряли веру в то, что они вообще могут что-нибудь сделать. Когда мы тестируем их на пригодность к чему-либо, то находим, что они менее ловкие и менее уверенные, чем другие. Они не знают, чем хотят заниматься. Если они заняты делом, то это лишь пустые слова. Эти дети терпят неудачу при каждом тестировании на профессиональные склонности. Они ни к чему не стремятся, потеряли уверенность. Но когда их мышление медленно, но верно овладевает содержанием, появляется желание показать другим, что они не бездари.

Одно и то же им говорили слишком часто. Им снова и снова кричали: "Ты закончишь в тюрьме, ты ни на что не годен, ты ничего не стоишь, ты не знаешь, как что-либо делать". Все эти обвинения не бесплодны. Ребенок начинает верить, что он ничего не стоит и что он не может ничего сделать. Это состояние усиливается. Поэтому, чтобы как-нибудь избежать чувства стыда и унижения, начинается отход в сферу бесполезных дел. Это начинается в школе — учреждении, которого они избегают как злого врага. Дети удирают из школы, как только предоставляется возможность. Они заходят так далеко, что в оправдание подделывают табель

успеваемости, и не всегда родители и учителя знают это. Когда родители и учителя говорят: "Не думай, что ты можешь дурачить меня" — ребенок знает: "Ты не догадываешься о том, что я могу схитрить". Вместо того, чтобы идти в школу, он направляется в мало известные места.

Здесь ребенок встречает тех, кто уже прошел этот путь до него. Они знают наверняка, как блистать на поприще бесполезных дел, как подняться в собственных глазах, как гордиться тем, что ты славный малый. Частенько самых молодых подстрекают, подталкивают, в то время как лидеры остаются в тени, и новички, в конце концов, имеют дело с полицией. Здесь им приходится хитрить. В то время как перед ними открывается дорога полезных дел, они остаются на пути бесполезности. И все эти неудачи происходят оттого, что они не ощущали себя людьми, сосуществующими с другими.

Общение с такими детьми предполагает восстановление контакта с ними. Любой, сделавший это, знает, как счастлив ребенок, имеющий опыт общения с человеком, который не отбивает охоты, а постоянно пытается вернуть ребенка на его законное место, к установлению свойственного ему контакта. Незначительные внешние обстоятельства часто мешают такому контакту, к примеру, когда ребенок не имеет в раннем возрасте достаточного общения с другими, для того чтобы влиться в человеческое общество. Или если один человек не уделяет достаточного времени ребенку, хотя и любит его — это не будет способствовать контакту с ребенком. Есть мелочи в семье, семейном порядке, которых очень не хватает, но им легко можно дать начало, привлечь к числу уже имеющих. Я верю, к примеру, что выделение времени в семье для приема пищи крайне важно. Кроме того, это должно рассматриваться как усиление контакта с детьми. Бесполезно с кислой миной браться наказывать ребенка, перечисляя все его поступки. Если все это возможно, я советую: "День, начавшийся с совместного завтрака, лучше, чем когда все едят в разное время; или, как пример,— кто-то ест в постели, когда другие выходят в школу". Сделаны и другие ошибки, например, когда вместо приема пищи дети начинают баловаться, разговаривать о своем.

Конечно, также плохо, когда человек, сидящий рядом с другими, начинает читать газету. Всего этого не следует делать, ибо ребенок легко почувствует: "А для чего я

здесь?" Необходимо, естественно, устанавливать контакт с ребенком не во время еды. Довольно и того, что он будет контактировать с другими. Поэтому, мне кажется важным вводить ребенка в мир в возрасте трех лет. В процессе установления контакта, где мать играет огромную роль, может произойти другая большая ошибка. Связь с матерью может быть такой сильной, что ребенок не общается больше ни с кем. Это ведет к появлению балованных детей. Такие матери действуют как поддержка для ребенка, всегда готовы помочь, сделать внушения, всегда уступающие, защищающие его от любого вреда. Даже заботясь о его судьбе, она не позволяет ему действовать, двигаться, самовыражаться. Мать делает за ребенка все, так, что ему ничего не остается. Такой ребенок даже не старается ни думать, ни действовать, так как мать заботится обо всем. Мы наблюдаем, что проблемы этих детей такие же, что и у детей первого типа: они тоже исключены из важного и значимого общения. Они не испытали ни одного переживания, кроме связанных с матерью, которая исключила всех других участников этого процесса. Часто отец, зная об этом неправильном развитии, хочет противодействовать этому, к примеру, усилением строгости режима. Что происходит? Ребенок становится более открытым к матери и не считается с отцом. Он ничего не хочет делать вместе с ним. Мать с отцом должны обсудить план действий, чтобы ребенок не удалялся все более от отца. Получить расположение ребенка — на этом не заканчиваются трудности отца, он должен понимать, что этим немного достигнешь. Надо заметить, что другие тоже должны быть открытыми по отношению к ребенку.

Робкий ребенок — типичный неженка, даже там, где нечего бояться, он плачет о помощи. Это заметно в таких детях на каждом шагу. Это может зайти так далеко, что вторгается в общее физическое развитие ребенка, и ребенок уже не может существовать самостоятельно, кроме как, опираясь на чью-нибудь поддержку, например, матери, если она есть. Он плачет, если она оставляет его; это, конечно, ставит большую проблему перед матерью. Так ошибка в воспитании мстит тому, кто ее совершил. Ребенок приобретает ошибочное представление о жизни, и криком делу не поможешь. Ровно, как и в другом случае: ребенок озорничает, не собираясь спать, мешает другим отдыхать ночью и заставляет приходить мать. Чувство одиночества может быть таким сильным, что некоторые дети начинают плакать во сне. Такое

развитие — показатель нервозности, оно требует вмешательства психиатра. Ночное недержание у детей — нередко следствие той же ошибки. К тому же это не меньше, чем показатель того, что ребенок через свое тело, свой мочевой пузырь обращается и говорит: "Меня нельзя оставлять одного, кто-то должен смотреть за мной, заботиться обо мне все время!" Таких детей часто наказывают и часто несправедливо. Если с детьми грубо обращаются, они часто страдают ночным недержанием, и всегда находится из детского окружения те, кто, отказавшись от всех проявлений цивилизации, мучает ребенка. Но проблему можно устранить более легким и более человечным способом. Ребенок не изменится, если мы его накажем; его чувство незащищенности так велико, что даже ночью он просится к матери. Это ничем не отличается от ребенка, который поднимает шум, собираясь ложиться спать: "Одеяло должно быть именно такое, свет надо оставлять, дверь открыть".

Эти дети слабо подготовлены к школе. Разве удивительно, что они толком не выполняют задания? Они тащатся в школу, дрожа, плача и пронзительно крича. Если им повезет с учителем, и он окажется намного лучше их ожиданий, если он возбудит в них интерес, все еще может повернуться в лучшую сторону; если нет — дела будут все хуже и хуже. Эти дети опаздывают в школу, не делают как следует домашнюю работу, они теряют учебники, портфели, они сидят с безучастным видом. Их память, по-видимому, ослаблена, они обобщают абсолютно разные вещи. Они не могут двигаться вместе со всеми. Если только кто-то из одноклассников подходит к ним с большей теплотой, они могут привязаться.

Можно найти нежных, любящих и потом вдруг полностью изменившихся детей. Неудивительно, ведь запросы избалованных детей растут автоматически, они постоянно увеличиваются, и требования часто становятся невыполнимы для матери. Но они хотят исполнения своих желаний. И однажды наступает момент, когда они начинают тиранить свою мать. Они вопят и топают ногами. Подготовка к этому началась намного раньше. Мы привыкли видеть детей, чьи мамы говорят: "Он всегда был таким нежным ребенком". Может, он стал другим? Ничего подобного. Если бы мы выполнили все его желания, он не стал бы плакать, но это не так легко сделать. Школьный опыт одинаков для обоих типов. Ребенок нуждается в свободном времени, когда он может развиваться и сотрудничать с другими детьми. Сегодня этому

уделяется недостаточно внимания.

Я убежден, что те, кто придерживается нашей точки зрения на детей, придут к такому же заключению: этих детей надо воспитывать медленно, терпеливо. Нужно уделять постоянное внимание болезненному вопросу: такой путь, как достижение возможного, воспитывает в детях независимость. Когда я говорю, что ребенок неопрятен, я имею в виду, что надо наводить порядок в своих вещах. Когда я слышу о лживых детях, я тоже имею свой взгляд на это. Я представляю себе сильную руку над головой ребенка, от которой он пытается отклониться. Это движение проявляет себя во лжи.

Надо добавить еще одну группу детей — дети с недоразвитыми органами тела. Они в такой же ситуации, как и другие. Любая небольшая задача их угнетает. Они чувствуют, что не способны управлять собой. Они недостаточно хорошо видят и слышат, развитие их лучших способностей замедленно. Их рост и питание сталкивается с определенными трудностями. Они страдают, испытывают конвульсии, день и ночь беспокоятся, не могут мирно спать, их легкие плохо развиты, они живут с чувством физической слабости. И опять же, из-за естественных ограничений, детское чувство слабости может стать слишком огромным. Естественно, все эти группы детей будут преодолевать трудности. Вы найдете поразительное количество живописцев с какими-то дефектами глаз, музыкантов с проблемами слуха, с ушными инфекциями, не приобретенными, а врожденными Бетховен, например. Они преодолевали трудности, боролись и не отказывались от борьбы, приобретая новые силы. Среди живописцев есть даже такие, кто, имея слабое зрение, ослепнув, достигли ничуть не меньшего величия. Взглянув на их полотна, вы увидите, что они овладели искусством во всех тонкостях. Все это потому, что они имели мужество бороться и не отказываться от борьбы. Недостатки ребенка могут быть слишком явными, но только бы не подорвать его мужества. Если мы это сделаем, то нанесем самый жестокий удар судьбы. Если вы задумаетесь над этим и осознаете, что все эти основные положения применимы не только к детям, но и к взрослым, к целым группам и всему народу, вы увидите замечательное единство в концепции.

Мы ожидаем от родителей и учителей, что они направят усилия детей по полезному пути, что они не разочарованы мужеством детей. Вот два требования,

предъявляемые тем, кто воспитывает наших детей. Жизнь на этой земле уготована отважным и самоуверенным. Она может предложить себя тем, кто ощущает себя в гармонии с миром, кто не боится, а пытается преодолеть многочисленные трудности, встречающиеся на каждом перекрестке. Из этой неизменной связи между человеком и землей, между человеком и собратом, и третье, между двумя полами, извлечены ясные принципы для нашей жизни, работы, для способов жизни и нашего развития. Мы можем действительно принять только те принципы, которые признают эту связь, которые способны повернуть человека к настоящему человеческому существованию, к действительно социально-организованному существу; и которые обеспечивают правильное решение в разумном противоречии людей из-за насущного жизненного вопроса.

Сокращенный перевод лекции, сделанной в Chemnitz 3 марта 1926 года.

После лекции были заданы следующие вопросы:

1. Могли ли причины того, что ребенок растет необразованным, лежать в его генетической конституции?
2. Возможно ли общение наших детей с трудными в школе? Правильно ли обучать трудных детей с другими или их можно собрать вместе в специальные классы?
3. Правильно ли отделять талантливых детей от других?

Ответ на вопрос 1

Если эти дети по причине своей генетической конституции дегенераты настолько, что им нельзя помочь и они должны прекратить образование, тогда сфера обучения может не иметь значения. Но еще никто не установил такие низкие стандарты для человека, чтобы оправдать заключение, что случай безнадежный. Всегда существовал другой путь. Когда учитель не способен указать ребенку верное направление, он винит в этом генетическую конституцию. Я видел детей с низкими врожденными способностями, которые были среди лучших, и одаренных — среди худших. Даже когда учитель верит в невозможность достижения чего-либо из-за генетической конституции (я не говорю о недоразвитых детях), я бы рекомендовал, чтобы он дал возможность кому-нибудь попытаться еще раз применить изложенную выше точку

зрения. Это действительно трудные случаи. Часто мы работали до изнеможения, и все же кое-чего достигали. Если я полагал, что случаи действительно безнадежны по причине генетической конституции, то я был ничуть не менее уверен в том, что могу достичь желанных результатов с любым ребенком — плохие ли, хорошие ли у него гены. Короче, можно погубить ребенка хоть с хорошими генами, хоть с плохими. Следовательно, генетическая конституция не должна играть важной роли, как полагается сегодня. Это, главным образом, справедливо для медицинских заключений, где ощутим дефицит педагогического подхода. Эту взаимосвязь необходимо подчеркнуть, она присутствует, когда ребенок с недоразвитыми телесными органами, другими словами с плохой генетической конституцией, будет быстрее других детей попадать в ситуации, развивающие тяжелое чувство неполноценности.

Этот факт был установлен в результате научных исследований и является отправной точкой наших соображений. Нетрудно заметить, что ребенок с плохими генами, развивающийся в благоприятных условиях, ведет себя так же, как ребенок с хорошими генами в неблагоприятных условиях. Если, однако, неполноценный ребенок подвержен также действию неблагоприятного окружения, если не найден специфический образовательный подход к этому ребенку, тогда, вполне возможно, что образование будет наполовину бесполезно, и результаты постоянно будут оставлять желать лучшего. Я полагаю, что эта позиция неуместна для педагога, потому как он обязан быть оптимистом и передавать этот оптимизм детям. Перед тем как поставить в упрек ребенку его генетическую конституцию, необходимо сначала попробовать наш метод.

Ответ на вопрос 2

Могли бы мы оставить проблемных детей в обычной школе или нет? Решение будет зависеть от тяжести положения. Тяжелые случаи требуют особого подхода. Для определенных аномалий школа не является подходящим местом; таких детей бывает необходимо удалить из семьи.

Ответ на вопрос 3

Как можно заметить по тону моей статьи, я не верю в одаренность. Все есть индивидуальное творчество. Goethe говорит: "Гениальность есть не более чем тяжелая работа". Каждый ребенок с нормальным рассудком способен к развитию, и это требуется школой, жизнью. Когда мы делим классы в соответствии с прекрасным лозунгом: "Достигай пути совершенства сам" — другими словами, на детей одаренных и обычных - это заканчивается неудачей в специализированных классах.

Я бы придерживался взгляда, что педагоги, уделяющие слишком много внимания таланту, рискуют. Когда они убеждают ребенка в его талантливости, может случиться, что ребенок не будет слишком утруждаться и станет высокомерным. Это не правильно по отношению к обществу, но это не самое худшее. Хуже всего, что он сталкивается с жизненными трудностями. Может случиться, что он начинает бояться поражений больше, чем нуждаться в успехе.

Он начинает отказываться от требований, сомневаться, в результате - нервно заболевает; ребенок попадает в тупик и не может развиваться. Подумаем о вундеркиндах: они часто плохо заканчивают. Есть и другая группа. Это так называемые неталантливые, во что я не верю по-настоящему. Таким образом, я против деления на талантливых и бездарных. Я не верю, что эта практика в будущем принесет какой-нибудь успех. Я думаю, что она не помогает талантливым и обижает неодаренных.

Мы должны научиться общаться с детьми как с равными. Тот, кто стремится видеть в других равных себе, будет более способен на это. Тот, кто не стремится к этому, поймет, что трудно ощущать себя на равных в отношениях с ребенком. С этого нужно начать.

В целом, процесс образования должен стремиться к тому, чтобы направить природное чувство неполноценности в полезное русло и дать ему полезное развитие. Делая это, мы нуждаемся в равенстве. Я не верю, что такая способность или одаренность есть в ребенке, она есть только в педагоге.